

СЕРАЯ ВОРОНКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

— АВТОР —
Рокси айнол

18+

Рокси Айнол

Серая воронка

«Автор»

2026

Айнол Р.

Серая воронка / Р. Айнол — «Автор», 2026

«Ворон» — мистическая драма о дружбе, предательстве и цене выбора, растянутая на десятилетия. 1930 год. Двое мальчишек, Андрей и Максим, мечтают о море и клянутся друг другу в верности. Но однажды на крыше старого дома Андрей едва не погибает — и его спасает чёрный ворон с красными глазами. С этого дня птица не отпускает своих жертв: она шепчет, направляет, выбирает. Максим — слушающий. Слабый, сомневающийся, разрываемый между любовью к другу и страхом. Голос в его голове становится громче с каждым годом, ведёт его через войну, плен и предательство. В 1942-м под Сталинградом Максим поднимает карабин на лучшего друга — и убивает его. Так Андрей становится Смертью, а Максим — узником собственного ада: вечного Сталинграда, где он снова и снова убивает того, кого любил. Книга о том, как выбор, сделанный однажды, длится вечность. О дружбе, которая переживает смерть. О прощении, которое приходит слишком поздно. И о вороне, что ждёт всегда. Роман в трёх частях: Детство. Война. Смерть.

© Айнол Р., 2026

© Автор, 2026

Рокси Айнол

Серая воронка

Часть 1. Детство

Глава 1. Крыша

Лето 1930 года выдалось знойным. В старой деревне, на пыльной дороге, в глубоких колеях ещё стояла вчерашняя дождевая вода — тёмная, с холодным отсветом неба. Вокруг, лениво поводя хвостами, бродила скотина, будто и она подчинялась тягучему ритму жары. Воздух, плотный и тёплый, был пропитан насквозь: пахло сеном, парным молоком и горькой полынью с полей.

По этой дороге, взбивая босыми пятками сухую пыль, неслись двое мальчишек. Обоим по десять. Рубахи взмокли от пота и прилипали к спине.

— Андрюха, не догонишь!

— Ща догоню!

Он догнал. Они кубарем покатались в придорожную траву, зашлись звонким хохотом, толкаясь и брыкаясь. А когда силы иссякли, забрались на самую вершину старого дома — туда, откуда видно всё: и изгиб реки, и поля, уходящие к горизонту, и край неба, где начинаются облака.

— Слушай, — Андрей сорвал травинку, задумчиво пожевал горьковатый кончик. — Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

Максим, не отрываясь, смотрел в выцветшее небо. Там плыло облако, похожее на парусный корабль.

— Моряком, — выдохнул он мечтательно. — Уплыву далеко-далеко. Там, говорят, пальмы, море синее-синее, волны — выше дома! А ты?

— Я? — Андрей пожал плечами, разглядывая муравья, ползущего по щепке. — Наверное, как отец. Трактор водить. Поле пахать.

— Тебе самому-то нравится? — Максим приподнялся на локте, вглядываясь в лицо друга. — А то мой батя твердит: «Будешь на ферме горбатиться, как я». А я не хочу. Я хочу... ну, большего, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Андрей, но в голосе его не было тоски. — Но мне тут привычно. Дом, мамка, обед горячий... Не знаю. Наверное, я домосед.

— А давай вместе! — глаза Макса вспыхнули. — Поплывём на корабле! Ты и я! Вдвоём!

Андрей посмотрел на друга. Помедлил. Потом улыбнулся широко, по-детски.

— Давай.

Они стукнулись кулаками. Солнце уже клонилось к закату, тени от деревьев вытянулись и стали длинными, прохладными.

— Ой, темнеет, — спохватился Макс. — Мне мамка наказывала ночью не гулять. Погнали!

Он ловко соскользнул с крыши. Топот босых ног внизу — и вот он уже на земле, нетерпеливо машет рукой:

— Давай быстрее!

Андрей начал спускаться. Старая, разохшаяся лестница жалобно скрипела под ногами. Он поставил ногу на ступеньку — и вдруг с ужасом почувствовал, как она подаётся под ним.

— Макс! — крик оборвал вечернюю тишину.

Лестница кренилась, медленно и неумолимо заваливаясь в сторону.

Макс замер внизу, задрал голову. Он видел, как друг летит вниз вместе с грохочущими перекладами, и оцепенел от ужаса.

— Андрей!

И в этот миг — резкий, хриплый, оглушительный кар! Он раздался откуда-то сверху, с конька крыши.

Лестница замерла в воздухе, в самой нижней точке падения. Одна бесконечная секунда. Две.

А потом, медленно, словно подхваченная чьей-то невидимой силой, она стала возвращаться на место, вставая ровно, как стояла сто лет.

Андрей прыгнул на землю. Колени дрожали, сердце колотилось где-то в горле. Он поднял взгляд.

На крыше сидел ворон. Чёрный, как сама ночь. Глаза его горели алым. Он смотрел вниз не мигая.

— Ты видел? — выдохнул Андрей побелевшими губами.

— Видел, — прошептал Макс. — Это она... она спасла тебя?

Ворон каркнул ещё раз, громко и властно, расправил крылья и взмыл в тёмное, наливающееся звёздами небо.

— Пошли, — Макс схватил друга за руку. — Пошли скорее...

Они побежали домой, не оглядываясь.

Глава 2. Материнский ужин

Нина Николаевна стояла у печи, не оборачиваясь. Голос у неё был сухой, как прошлогодняя трава:

— Наконец-то явился. Я уж думала, ты решил в лесу заночевать.

Андрей на ходу отряхивал штаны:

— Мам, ну что ты сразу... Я заигрался у пруда. Макс мяч новый принёс.

Нина повернулась, вытирая руки о передник:

— «Заигрался»... Я весь день в поле спину гнула. Думала: приду — сын поможет. А он по лужам скачет. Ты на себя глянь: колени в кровь, рубаха из портов лезет.

— Прости, мам. Я сейчас воды принесу, дров наколю.

— Садись уж, помощник. — Нина кивнула на стол. — Еда ледяная. Картошка как камень.

Андрей подсел к столу, потянулся к картошке:

— Да мне и холодная в радость. Твоя картошка самая вкусная.

Нина вздохнула, подошла и положила руку ему на плечо. Ладонь шершавая, мозолистая.

— Ешь уж. Ишь, покраснелся... Игрок. — Она поправила ему вихры. — А то одни кости остались.

За окном, в сгустившейся темноте, на голой ветке старой яблони сидел ворон. Не шевелился. Только глаза поблёскивали.

— Мам, — спросил Андрей, глядя в тарелку. — А тятка когда вернётся?

Нина резко отвернулась к печи:

— Когда надо будет, тогда и вернётся. Ешь давай.

Ворон за окном каркнул тихо, почти неслышно. И, сорвавшись с ветки, растаял в ночи.

Глава 3. Рассказ матери

Макс влетел в избу, запыхавшийся, глаза горят:

— Мам, честное слово, я никогда в жизни ничего такого не видел! Андрей залез на лестницу, а она — хрусь! — и сломалась! Он вцепился в край, думал, упадёт. И тут, откуда ни возьмись, ворон! Чёрный, глазищи красные! Каркнул — и лестница на место встала!

Лена Афанасьева, его мать, поставила чугунок на стол:

— Господи помилуй... Разве ж птица на такое способна? Болтун ты этакий.

— Да не придумал я! — Макс даже подпрыгнул. — Я сам видел!

В этот миг дверь с грохотом распахнулась. На пороге стоял отец.

— Опять про море сказки плетёшь? — голос его был груб. — Опять у воды ошивались?

Макс сжался:

— Пап, так мы же... Ворон Андрея спас.

— Ворон его спас! — Отец шагнул вперёд, нависая над столом. — А голову на плечах иметь не пробовали? Слушай сюда, Максим. Пока ты по берегам бегаешь, жизнь мимо проходит. Море — оно обманчивое. Сегодня рыба дала, завтра — шторм и пустые сети.

Лена попыталась вмешаться:

— Отец, ну чего ты сразу с порога... Мальчишки ведь.

— Не «мальчишки»! — Он стукнул ладонью по столу. — Помощники расти должны! Запомни, сын: земля — она верная. Завтра с рассветом пойдёшь со мной на дальний клин.

Макс опустил голову:

— Понял, пап...

— То-то же. — Отец повернулся к матери. — Мать, давай ужинать.

Макс сидел молча, ковыряя картошку вилкой. В голове у него всё ещё кружился чёрный ворон с красными глазами.

Глава 4. Поле

Утро встретило Макса колючим холодом. Мать трясла его за плечо, когда за окном было ещё черным-черно.

— Вставай, соня. Отец ждать не будет.

За столом уже сидел отец:

— На, — он протянул через стол серп. — Держать-то умеешь?

Макс взял холодный металл. Серп был тяжёлый, непривычный.

— Умею, — буркнул Макс.

— Посмотрим.

После быстрого обеда они вышли. Поле было огромным. Край его терялся где-то у леса.

Отец остановился на меже:

— Вот здесь. От этого камня до той берёзы. Соберёшь всё — тогда домой. Никуда не уходи. Понял?

— Понял, — тихо ответил Макс.

Отец ушёл, не оглянувшись.

Макс остался один. Пшеница вокруг шумела, будто перешёптывалась. А он стоял посреди этого шума с серпом в руке.

— Моряк, — сказал он тихо, с горькой усмешкой. — Ага. Моряк.

И шагнул в пшеницу.

Солнце пекло немилосердно. Макс стоял посреди поля, уже не понимая, сколько времени прошло. Пшеница шумела, серп жёг ладонь, спина ныла. Он посмотрел туда, где вчера они с Андреем видели ворона.

— Надо рассказать ему, — шепнул он.

И тут в голове раздался голос — тихий, вкрадчивый:

«А Андрей-то ждёт. Там, у речки. А ты здесь. С этой травой возишься».

— Отец сказал: не сделаю — есть буду одну воду, — буркнул Макс.

«За один-то час? Что случится-то за час? А вдруг ворон улетит? Положи серп в солому. Скажешь — живот скрутило. Беги, Макс!»

Макс оглянулся на пустую тропинку. Потом на сияющую полосу реки вдалеке.

Серп медленно лёг на землю. Макс присыпал его травой.

— Я на минуту, — шепнул он ветру. — Только спросить.

И побежал.

А в небе, высоко, кружил чёрный ворон.

Глава 5. Тайна

Макс, задыхаясь, хватает Андрея за плечо. Руки трясутся.

— Стой! Я из-за тебя полосу бросил. Отец убьёт, если узнает.

Андрей вскидывает брови:

— Да ты чего, Макс? Лица на тебе нет.

Макс озирается, говорит быстро, сбивчиво:

— Про ворона... Не ангел это был. Это демон в перьях! Дед сказывал: если ворон человека от смерти спас — значит, себе присмотрел. Ты теперь его, Андрюх.

Андрей отмахивается:

— Да ну тебя! Какой демон? Я ж летел — а он каркнул, и я за сук зацепился. Ангел это.

— Ангел чёрный, как сажа?! — Макс срывается на крик. — Он тебя обманул! Они в голову залезть могут!

Андрей прищуривается:

— Откуда ты знаешь, как они лезут?

Макс замер.

В этот момент голос в его голове стал холодным и тяжёлым:

«Скажи ему. Расскажи, как я тебе нашептываю. Пусть знает. Только тогда он отвернётся. Дурачком назовут».

Макс открыл рот — и закрыл. Посмотрел на Андрея — весёлого, живого, верящего в своего ангела.

— Просто... — голос сел. — Просто сон мне плохой снился. Про голос... злой.

Андрей хлопает его по спине:

— Ладно тебе, пророк. Пошли к воде. Нет там никаких голосов.

Макс пошёл следом.

А голос внутри довольно мурлыкнул:

«Молодец, Максик. Это будет наша маленькая тайна».

За ними, с ветки ивы, наблюдал ворон.

Глава 6. Возвращение

Голос пропал. Макс постоял ещё секунду, прислушиваясь к тишине в голове — впервые за весь день она показалась пугающей. Потом развернулся и побежал обратно.

Спустя десять минут он выскочил на поле. Отец стоял на том же месте. Не работал. Просто стоял, опираясь на косу.

Макс шагнул ближе.

Отец не оборачиваясь, произнёс тихо:

— И долго мне здесь стоять, Максим? Тень уже до леса вытянулась, а ряд не пройден.

Макс замер. Сердце колотилось где-то в горле.

И тут — знакомый шёпот снова зашевелился в голове:

«Ври. Скажи, что занемог. Он добрый сегодня. Скажи про живот».

— Тятя... — голос Макса дрогнул. — Я в кусты бегал. Живот скрутило. Видно, квас несвежий был...

Отец медленно повернулся. Лицо его было спокойным. Ни злости. Только внимательный взгляд.

Он шагнул ближе. Положил тяжёлую ладонь на плечо.

— Занемог, значит? То-то я гляжу, лица на тебе нет. — Он помолчал. — Что ж ты сразу не сказал? Я бы тебя раньше отпустил.

Макс поднял глаза. В голосе отца не было злости. Только усталая забота.

— Ступай домой. Пшеница подождёт.

От этих слов внутри кольнуло так, что Макс чуть не задохнулся. Лучше бы ударил.

«Видишь? — довольно мурлыкнул голос. — Сработало».

— Мать пускай отвару даст, — продолжал отец, уже отворачиваясь. — И ложись сразу. Я сам соберу.

— Тятя... — голос Макса сорвался. — Я завтра с рассветом выйду. Всё наверстаю.

— Поглядим. Иди.

Макс пошёл к деревне. Ему хотелось обернуться, подбежать, сказать правду. Но ноги сами несли его прочь.

«Хороший у тебя отец, — прошептал голос. — Жалеет. Значит, завтра мы снова придумаем что-нибудь интересное».

Макс молчал. Только сжимал кулаки.

Солнце садилось за лесом.

Глава 7. Болезнь

Зима 1934 года. Хата Нины Николаевны. За окном метель, в избе холодно — печь прогорела. Все смотрят на лежанку, где мечется в жару Андрей.

Врач — пожилой, усталый — стоит у порога, собирает чемоданчик.

— Я ничего больше не могу сделать, Нина Николаевна.

Нина стоит у печи, руки сцеплены так, что побелели костяшки.

— Как это не можете? Вы же доктор!

— Перед болезнью я бессилен. — Врач разводит руками. — Рак, Нина Николаевна. У вашего сына рак.

Отец Андрея сидит за столом, молчит, сжимает кружку.

— И что? Совсем никак?

— Никак. От рака не вылечивают. Никто не выживает.

Нина покачнулась, схватилась за стену.

— Сколько? Сколько ему осталось?

— Месяц. Может, два.

Тишина. Только ветер воет за окном.

Отец встаёт, подходит к лежанке:

— А если к знахарке?

Врач криво усмехается:

— Хуже не будет. Но и лучше — тоже. Рак только смертью лечится.

Он застёгивает чемоданчик.

— Если станет совсем не вмоготу — зовите. Помогу уйти... легче.

Нина вздрагивает.

— Уйти? Вы про что?

Врач не оборачивается. Открывает дверь.

— Держитесь.

Дверь захлопывается. Метель врывается в щели.

Нина медленно опускается на лавку.

— Господи... за что?

Отец гладит Андрея по голове.

— Может, он ошибается?

Нина поднимает глаза на икону в углу.

— Тут только Бог поможет. Или...

Она смотрит в окно. Там, на ветке, сидит ворон. Чёрный. Красные глаза горят в темноте.

Нина отводит взгляд.

— Или никто.

Глава 8. Чудо

Спустя пару дней Андрей начал чувствовать себя намного лучше.

Нина сидела рядом, не отходила. Когда сын открыл глаза, она вздрогнула:

— Андрей, сынок... Господи, да ты розовеешь!

— Мам, правда... дышать легче стало. И есть хочется.

Нина всплеснула руками, слёзы на глазах:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.